

Композиционно, по словам самого поэта, она выражалась в «изобретении приемов для обработки хроникального и агитационного материала, а также во введении, для перебивки планов, фактов различного исторического калибра, законных только в порядке личных ассоциаций» («Разговор с Блоком», «Мне рассказывал тихий еврей П. И. Лавут»).

Это означало, что поэма о советской истории складывалась как монтаж различных по жанру, но сюжетно законченных главок- эпизодов. Патетика, фельетонная сатира, публицистика, сокровенная лирика — все переплеталось и сливалось в единый поток «свидетельских» впечатлений и раздумий: «Это было с бойцами, или страной, или в сердце было моем». Но в этой поэме лейтмотивом была уже не присяга на верность вождю и даже партии (в которую Маяковский так и не вернулся с тех самых отроческих лет), а клятва в любви к новой социалистической родине.

Именно к новой, у которой все еще впереди, и потому было так важно, чтобы через поэму «в мускулы усталые лилась строящая и бунтующая сила». И Маяковский был прав, поднимая дух и мужество в сущности голодных и нищих строителей социализма.

Сейчас уже не впечатляют те факты советской действительности, которые он выдвигает на первый план: плакатный штурм Зимнего, высокомерный приговор Временному правительству от лица революционного матроса, идиллический коммунистический субботник с участием самого Ильича, не говоря уже об очевидной идиллии крестьянской жизни («землю попашут, попишут стихи»), а также городской («сыры не засижены, лампы сияют, цены снижены»).

Больше веришь сейчас другим сценам и деталям, таким, например, как разговор с Блоком или паническое бегство белых из Одессы, или щепотка мокрой соли, примерзшей к руке младшей сестры, или «две морковинки» как самый дорогой подарок для любимой.

Продолжение в следующей главе...